

6. Рибалко М.-М. Функціонування танго-дискурсу в сучасних англомовних фільмах / М.-М.Рибалко // Наукові записки. Серія «Філологічна». – Острог: Видавництво національного університету «Острозька академія». – Вип. 30. – 2012. – С. 309–312.
7. Сєрякова І. Магія невербальної комунікації. Навч. посібник / І.Сєрякова. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2004. – 95 с.
8. Соломоник А. парадигма семиотики: Очерки по общей семиотике / А. Соломоник. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 336 с.

УДК 81'42+8137

Соболева Л.И.
(Минск, Беларусь)

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ДВУХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Статтю присвячено порівняльному аналізу категоріальної структури і граматичної семантики відмінка двох поетичних текстів, в яких реалізується асиметрія гендерної приналежності авторів і ліричних героїв.

Ключові слова: категоріальна структура тексту, кількість, час, простір, гендерні мовленнєві стратегії, загальне значення відмінка, приватне значення відмінка, частотність відмінкових форм.

Статья посвящена сравнительному анализу категориальной структуры и грамматической семантики падежа двух поэтических текстов, в которых реализуется асимметрия гендерной принадлежности авторов и лирических героев.

Ключевые слова: категориальная структура текста, количество, время, пространство, гендерные речевые стратегии, общее значение падежа, частное значение падежа, частотность падежных форм.

In this paper, we investigate categorial structure of two poetic texts instantiating the phenomenon of gender asymmetry between the author and the lyrical subject. Specifically, we compare the semantics of case-marking as presented in both texts.

Keywords: categorial structure of a text, quantity, time, space, gender-specific communicative strategies, general and individual semantics of case-marking, frequencies of case-marked forms.

В 1923 г. Марина Цветаева написала стихотворение «О путях твоих пытать не буду...», своеобразным ответом на него стало стихотворение Бориса Пастернака 1949 г. «У людей перед праздником уборка...». Оба стихотворения можно рассматривать и как реплики в ситуации речи (в диалоге двух поэтов), и как реплики в ситуации описания (в диалоге Христа и Марии). Поскольку текст Цветаевой – это обращение Христа к Марии, а текст Пастернака – это обращение Марии к Христу, возможна гендерная идентификация текстов

на основе сравнительного анализа его категориальных, лексико-семантических и грамматических особенностей .

Категориальная структура текстов. Текст Пастернака тематически более сложен, разнообразен, чем текст Цветаевой. **Тематическая неоднородность текста** формирует усложненность его лексико-семантической структуры. В стихотворения Цветаевой и Пастернака по-разному отражаются **категории количества, времени, пространства, этические категории, правила ведения разговора.**

Для Пастернака существенно **количество** (*трое суток*), которое иногда предстает как нерасчлененное множество: *слишком многим; столько душ и жизней; столько поселений, рек и роц; столько шири*; а иногда – как оппозиция множественности и единичности: *у людей – я (Мария: в стороне от этой толчеи)*. Накануне казни эта оппозиция стирается и Мария становится одной из многих (*мы в кружок собьемся в стороне*), потому что возникает новая оппозиция по признаку активности – пассивности: Христос – человечество (ты – мы). Но в момент казни вновь одна из многих превращается в единственную, самую близкую (возникает нейтрализующаяся оппозиция «я – ты»): *брошусь, обомру, закушу, дорасту*. Динамика глагольных и местоименных средств выражения количественности – один из способов передачи темы религиозного откровения.

События в тексте Цветаевой существуют как будто вне **времени**. Такое впечатление формируется особенностями функционирования грамматической семантики времени в тексте стиха. Во-первых, прошедшие события, в разной степени отдаленные от момента повествования, передаются грамматическим прошедшим временем (*был – обула, был – обнесла, был – наставила, омыла, куплены*), а семантика плюсквамперфектности выражается с помощью лексико-семантической оппозиции и грамматической оппозиции видовых пар (*был – обула, был – обнесла, был – наставила*). Во-вторых, будущие события, иногда выраженные императивом (*в волосах своих мне яму вырой*), почти совпадают с моментом повествования (*наготу твою перстами трону*). В-третьих, грамматическое будущее время в первых двух строфах обозначает реальное настоящее (*пытать не буду; не спрошу – не спрашиваю*).

В отличие от Цветаевой Пастернак структурирует время, обозначая его лексически иногда косвенно, описательно, иногда обобщенно: *трое суток, завтра, будущее, перед праздником, промежутки*. Время Цветаевой – статично, а время Пастернака – и статично, и динамично, поскольку динамика всегда присутствует в пресуппозиции: *Будущее вижу так подробно, / Словно ты его остановил. // Но пройдут такие трое суток*.

Для упрощенного пространства Цветаевой важно **направление** (*прямя, наклону*), **вертикальная протяженность** (*ниже*), **замкнутость** (*обула, обнесла, спеленала, омыла*). Номинации движения бедны: они либо передают идею приближения, присвоения и связаны с самыми простыми и первичными проксимальными ощущениями (*припав, трону*), либо представляют собой косвенные номинации, периферию лексико-семантического поля «движение» (*о путях, тропу, ливнями*).

Пространство Пастернака более сложно, дифференцировано: в его тексте присутствуют собственно пространственные номинации, передающие идею **бесконечности пространства** (*столько шири*) и **ограниченности пространства** (*мы в кружок собьемся*), **дискретности пространства** и связанной с ней идеей **выделенности**, особоб-

сти (в стороне от этой толчеи; мы в кружок собьемся в стороне), и **недискретности пространства** (в такую пустоту). Ограниченное пространство различается по **протяженности** и **форме** (в кружок собьемся; по концам креста).

В тексте Пастернака отражается движение **разнонаправленное** (осуществляется по горизонтали и по вертикали: упали пряди; упадет завеса; брошусь на землю; столкнут в такую пустоту; будет к небу рваться этот крест; до воскресенья дорасту); оно может быть однонаправленным и колебательным (и земля качнется под ногами). Перемещение в пространстве может совершать **множеством субъектов** (в кружок собьемся; перестроятся ряды конвоя, и начнется всадников разъезд) или представлять собой **целенаправленный символический жест одного человека** (руки для объятья ты раскинешь). Субъектная множественность используется при описании реалистической, бытовой ситуации. Субъектная единичность – при описании символического жеста.

Категории количественности, пространства и времени в тексте Пастернака взаимосвязаны: в VII строфе стихотворения количественные оппозиции стираются и формируются **отношения включенности**, когда один (и единственный, и всеобъемлющий) «вбирает» в себя многих, выражает многих (Слишком многим руки для объятья // Ты раскинешь по концам креста). **Единство уникального и всеобъемлющего** (парадокс количественный) подкрепляется парадоксом пространственным: единством ограниченного, но не замкнутого пространства.

Каждый из авторов реализует свои гендерные **речевые стратегии** гендерные ожидания: женщина – признание ее заслуг мужчиной; мужчина – желание, чтобы женщина поднялась, «доросла» до его способа осознания и освоения мира. Именно поэтому, несмотря на надлом и трагедию, героиня Пастернака реагирует максимальным повышением самооценки, что является типично мужским проявлением стратегии **самоусиления** и стратегии **саморепрезентации**, «фальшивой уникальности», демонстрацией **компенсаторного поведения**. Мария у Пастернака не пересказывает события, а оценивает их, любая же оценочность – это проявление превосходства над слушающим: «Я сейчас предсказывать способна вещам ясновиденьем сивилл». Мария по-мужски часто ставит себя в центре событий: «И земля качнется под ногами, / Может быть, из жалости ко мне» (а не к тому, кого распинают!). Она косвенно предьявляет себя как источник аналогий: «Слишком многим руки для объятья/ Ты раскинешь по концам креста». Кульминация духовного развития лирической героини Пастернака связана с осознанием своей личности, уникальности, приближенности к Христу (я до воскресенья дорасту), при реальной сопоставимости поступков Христа и Марии по степени их важности для человечества.

Демонстрация **зависимой я-концепции**: стремление усилить самооценку через положительную внешнюю оценку – характерная черта текста Цветаевой, содержание которого – благодарность Иисуса Марии. При этом Цветаева по-женски эстетизирует бытовые манипуляции устами мужчины, а Пастернак по-мужски поэтизирует социальную функцию и беспощаден в описании бытовых подробностей: первые три строфы насыщены разговорной лексикой (у людей перед праздником уборка, толчеи, обмываю, шарю, пряди распустившихся волос, уперла, обшла, обмотала, зарыла); нет патетики и при описании событий, непосредственно предшествующих распятию (упадет завеса, собьемся в стороне, земля качнется); он по-мужски обращает внимание на манипуляции воинов (перестроятся ряды конвоя,

всадников разъезд). Но знаковый для человечества и для отдельного человека момент распятия и все последующее за ним в уже изменившемся мире и в перерожденной душе Марии потребовали иной лексики, насыщенной эмоционально-оценочными компонентами и семантикой интенсивности (*в бурю, смерчь, рваться, брошусь, обомру и закушу уста, раскинешь; столько шири; столько муки; столько душ и жизней; столько поселений, рек и роц; такая мощь; такие трое суток; в такую пустоту*).

Наряду с **единством темы** в текстах женщин чаще присутствуют **повторения**, выражаются **сомнение** и **отрицание**, женщины при разговоре чаще используют **прикосновения**; если роль мужчины и в процессе речевой деятельности – **конструктивная**, то роль женщины – **экспрессивная**. В тексте Цветаевой присутствует повторение приема отрицания: *пытать не буду, не спрошу тебя*, – и повторение антитезы: *«Я был бос, а ты меня обула / Ливнями волос – / И – слез. // Я был наг, а ты меня волною / Тела – как стеною // Обнесла. // Я был прям, а ты меня наклону / Нежности наставила...»*. В описании женщины-поэта прикосновения очень нежные, протяженные: *«Наготу твою перстами трону / Тише вод и ниже трав...// В волосах своих мне яму вырой, / Спеленая меня без льна»*. Пастернак вкладывает в уста женщины по-мужски слишком прямолинейные и грубые описания прикосновений: *«Ноги я твои в подол уперла, / Их слезами облила, Иисус, / Ниткой бус их обмотала с горла, / В волосы зарыла, как в бурнус»*. У героини Цветаевой – женская интерпретация правил ведения разговора: **стремление повысить статус адресата**. Метафора Цветаевой феминна и по тематике, по ассоциативному ряду, по грамматическим признакам лексики (глагол с ирреальной модальностью *спеленая*, ассоциирующийся с женственностью материнства).

Героине Пастернака свойственна мужская интерпретация правил речевого поведения. Она демонстрирует свою компетентность и уникальность, говоря о настоящем, о будущем, которое способна предвидеть, о вечном, вневременном; о локальных событиях и о беспредельности мира: *«Для кого на свете столько шири, / Столько муки и такая мощь?»*. Она говорит о людях, которых видит рядом (*у соседей, я, Иисус, мы, ряды конвоя, всадников разъезд* – заметки, в тексте Цветаевой есть только двое: Иисус и Марии), и о человечестве: *«Слишком многим руки для объятья / Ты раскинешь по концам креста. // Есть ли столько душ и жизней в мире? / Столько поселений, рек и роц?»*. И эта естественная социализированность – проявление маскулинности, которую поэт не может замаскировать, вложив текст в уста женщины.

Общая семантика падежа. Хотя Цветаева пытается говорить голосом мужчины, а Пастернак – голосом женщины, особенности использования общей грамматической семантики падежа позволяет взглянуть истинную гендерную принадлежность авторов стихотворений.

Тексты различаются характером и частотой употребления падежных форм: самые частотные падежи в тексте Пастернака – это центральные падежи (признаки «центральность/периферийность») указывают на то место, которое занимает предмет в структуре высказывания) родительный, винительный, именительный (см. *таблицы 1, 2*). Самые частотные падежи у Цветаевой: родительный, творительный, винительный. Самые редкие падежи в обоих текстах – предложный и дательный (в порядке убывания частотности в текстах на русском языке падежи располагаются следующим образом: И., В., Р., П., Д., Т.).

Таблица 1.

Падежи	Частота встречаемости падежных форм			
	абсолютная		% выражение	
	Пастернак	Цветаева	Пастернак	Цветаева
И.	10	4	16 % (14%)	18 % (9%)
Р.	25	7	39 %	32 %
Д.	2	1	3 %	4 %
В.	14	3	22 %	14 %
Т.	8	5	12 %	23 %
П.	5	2	8 %	9 %
Всего	64	22		

В текстах обоих авторов преобладают центральные падежи: 77% у Пастернака и 64% у Цветаевой. Поскольку текст Пастернака содержит почти в три раза больше словоформ имен существительных, чем текст Цветаевой (соответственно 64 и 22 словоформы), то приходится сравнивать процентное выражение частоты встречаемости падежной формы в обоих текстах. Цветаева чаще, чем Пастернак, использует периферийные падежи: второй по частотности падеж в ее тексте – периферийный творительный. Пастернак чаще, чем Цветаева, использует центральные падежи (см. таблицу 2, где цифры в скобках обозначают разницу процентного выражения частоты встречаемости падежных форм в текстах Пастернака и Цветаевой).

Таблица 2.

Крайние различия			Средние различия		
преобладают у Цветаевой			преобладают у Пастернака		
максимально большие	минимально большие				
Т. (11)	Д. (1)	П. (1)	Р. (7)	В. (4)	И. (5)
периферийный			центральный		
необъемный		объемный		необъемный	
ненаправ- ленный	направ- ленный	ненаправ- ленный		направ- ленный	ненаправ- ленный

Максимально и минимально различается частотность употребления периферийных падежных форм (Т., Д., П.). Максимальное различие проявляется в частоте употребления творительного падежа (11 единиц: у Цветаевой – 23%, у Пастернака – 12%), в то время как разница в частоте употребления самого частотного в обоих текстах родительного падежа (центрального и объемного) составляет всего семь единиц: у Пастернака – 39%, у Цветаевой – 32%. Минимальные различия между двумя текстами по признаку частоты встречаемости падежных форм (1 единица) касаются периферийных дательного и предложного падежей.

Доминирующая падежная семантика в тексте Пастернака. Из 64 словоформ имени существительного в стихотворении Бориса Пастернака 58 имеет субъектное (18), объектное (12) и определительное (28) значение.

Словоформ с субъектным и объектным значением (30) почти столько же, сколько словоформ с определительным значением (28) и почти на одну треть меньше общего количества словоформ в детализирующих падежах (43). Показательно, что почти 2/3 падежных форм в детализирующих падежах (т. е. 27 форм, не имеющих субъектного или объектного значения) вербализуют результаты освоения категорий пространства и времени, количества; выражают причинную зависимость и целеполагание: 7 словоформ имеют сему «количество» (Р.); из форм с определительным значением: 15 содержат сему «пространство» (В., П., Д.); 2 – сему «время» (В.); 2 – сему «причина» (Р.); 1 – сему «назначение / функция» (Р.). Конструктивность, иерархичность и жесткая структурированность проявляются даже на уровне падежной семантики.

Именительный и винительный падеж в тексте Пастернака. Формы именительного падежа составляют 18% (4 словоформы) в тексте Цветаевой и 16% (10 словоформ) от всех именных падежных словоформ в тексте Пастернака. Без учета обращений – 9% и 14% соответственно (см. *таблицу 1*). Подавляющее количество форм именительного падежа у Пастернака (9 из 10) имеет субъектное (7 словоформ): *пряди (упали), завеса (упадет), земля (качнется), ряды (перестроятся), разъезд (всадников начнется), смерч, крест (будет к небу рваться)*, или субъектно-объектное значение (2): *(у людей перед праздником) уборка, (для кого на свете...такая) мощь*.

Из 14 словоформ в винительном падеже 8 имеют собственно объектное значение (*стопы, ноги, будущее, уста, руки; в подол, в волосы, в бурнус*), а 6 выражают определительную пространственную и временную семантику: это винительный определительный по месту или направлению: *на глаза, на землю, в пустоту*; определительный по форме: *в кружок*; определительный (обстоятельно-квалифицирующий) по временной протяженности: *за промежутки*, по времени или периоду, соотносимо с определенным событием или состоянием: *в бурю*.

Тематически в формах винительного падежа преобладают пространственные, временные и природные номинации, в том числе и соматические, причем наблюдается некая «тематическая» симметрия: 6 лексем представляют собой соматизмы (*стопы, ноги, уста, руки, на глаза, в волосы*) – 6 называют время, пространство, природные явления (*будущее, за промежутки, в кружок, в пустоту, в бурю, на землю*); по 2 лексемы называют артефакты (*в подол, в бурнус*) и природные явления (*в бурю, на землю*); по 2 лексемы обладают семантикой времени (*будущее, за промежутки*) и семантикой пространства (*в кружок, в пустоту*).

В тексте Пастернака существует симметрия топологии форм именительного падежа, которая заключается в последовательном чередовании строк с наличием или отсутствием этих форм: 3 (+) – 1 (-) – 2 (+) – 1 (-) – 1 (+) – 1 (-). Количество строк с формой именительного падежа убывает в арифметической прогрессии, а количество строк без именительного падежа постоянно.

Строгая лексико-семантическая структурированности форм винительного и именительного падежей создает скрытую ритмику текста, демонстрируя в виде оппозиций тематические предпочтения автора: время – пространство, человек – природа, человек – стихия.

Родительный падеж в обоих текста является самым частотным. В тексте Пастернака 25 словоформ в родительном падеже, во-первых, выражают субъектно-объектные отношения; во-вторых, уточняет обстоятельства действия по признакам количества, пространства,

причины, цели, функции; в-третьих, обозначают отношения принадлежности. И только две словоформы с объектным значением выражают еще и значение внутреннего состояния или внутреннего отношения: *(дорасту) до воскресенья; (качнется) из жалости*.

Из 10 форм родительного падежа с субъектным значением: *(разъезд) всадников; (ясновидением) сивилл; у людей (уборка)*, – 7 форм осложнены значением количественности в виде элемента значения полноты: *(столько) шири, муки, души и жизни, поселений, рек и роц*. Количественное значение выражается и формами необходимого информативного восполнения: *(трое) суток*; неопределенного множества и того, что в него входит: *(ряды) конвоя*. Три формы имеют объектное значение: *(не нахожу) сандалий; (дорасту) до воскресенья; (качнется) из жалости*.

Восемь форм с обстоятельственно-определяющим значением выражают семантику пространственной отнесенности: *(в стороне) от толчеи; (бус) с горла; (на землю) у ног* и пространственного ограничения: *(миром) из ведерка*; причины: *(качнется) из жалости; (не вижу) из-за слез*; цели: *(дорасту) до воскресенья*; назначения и функции: *(руки) для объятия*. Собственно определяющее значение является в данном тексте только значением принадлежности: это либо значение неотчуждаемого качества или признака: *(ниткой) бус; (по концам) креста*, – либо значение соматической принадлежности, то есть неотчуждаемой физической, органической принадлежности: *(пряди) волос; (у ног) распятыя*.

Четыре из семи словоформ родительного падежа в тексте Цветаевой – это присубстантивный родительный, то есть подчиненный чистому, свободному от каких-либо глагольных оттенков имени: *ливнями волос и слез; волною тела; наклону нежности*. В тех случаях, когда родительный управляется отглагольными морфологическими дериватами, он может обладать и определяющей, и субъектной семантикой (*ливнями волос и слез*); при прилагательных в сравнительной степени он имеет значение необходимо восполняющей формы (*тише вод и ниже трав*). В двух формах родительного доминирует определяющее значение внутреннего состояния и формы (*наклону нежности; волною тела*). В приглагольном родительном, который имеет объектное значение при отрицании (*спеленый... без льна*), предмет остается вне содержания высказывания.

Творительный падеж. В тексте Цветаевой творительный падеж – второй по частоте употребления. Хотя творительный падеж отражает активное участие в деятельности, эта деятельность является зависимой или опосредствованной. Творительный падеж – синекдохический падеж, он выражает частичную функцию, эпизодическое свойство и является периферийным падежом. Четыре формы творительного из пяти имеют объектно-определяющее значение: это творительные сравнения: *как стеною*; сравнения и отождествления: *ливнями, волною*; орудия, инструмента: *перстами*. Одна форма имеет обстоятельственно-определяющее значение способа действия с усилительным значением: *какой ценою*. Объектное значение орудия также осложнено определяющим значением способа действия: *обула ливнями; волною...как стеною обнесла; перстами трону*.

Если у Цветаевой 3 из 5 словоформ в творительном падеже – это творительный сравнения, то у Пастернака 4 из 8 словоформ имеют более абстрактную семантику условия: времени, места, движущей силы (*перед праздником; под ногами, над головою; /предсказывать/ ясновидением*), 3 словоформы – творительный средства (*/обмываю/ миром, /облила/ слезами, ниткой /бус...обмотала/*), и только 1 словоформа – творительный сравнения (*пеленой упали / пряди распустившихся волос*), обусловленный текстом Цветаевой (*ливнями*

волос / – и слез. // ...волною / тела – как стеною / обнесла), о чем свидетельствует и означаемое (характер образности) и означающее (универсальный звуко-символизм) знака.

И у Цветаевой, и у Пастернака центральные падежи в сумме встречаются чаще, чем периферийные. Отношение доли самого частотного родительного падежа и доли самого малочастотного дательного падежа в тексте Пастернака приблизительно на одну треть больше, чем в тексте Цветаевой (у Пастернака: Р. – 39%, Д. – 3%; у Цветаевой: Р. – 32%, Д. – 4%; соответственно 13 и 8). У Пастернака, более четко выражена иерархия падежных значений и отсутствует противоречие между общим и частным в характере проявления падежной семантики. В тексте Пастернака преобладают формы с более абстрактным падежным значением, чем у Цветаевой, кроме того, падежная семантика в его тексте в большей степени детализируется, что прямо коррелирует со сложностью тематической и концептуальной структуры текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский И. Примечание к комментарию / И. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского. Т. VII. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – С. 179-202.
2. Рахилина Е.В. Семантика русского творительного: фрагмент / Е.В. Рахилина // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – С. 497-506.
3. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 133-175.
4. Якобсон Р.О. Морфологические наблюдения над славянским склонением / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 176-197.

УДК 811.111'42

Розумна І.В.
(Львів, Україна)

ФРЕЙМОВА РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ СОЦІАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЇ ПОДІЇ «CHRISTMAS» У ТВОРЧОСТІ ВІЛЬЯМА СІДНІ ПОРТЕРА (О.ГЕНРІ)

У статті йдеться про сучасні підходи до фреймової семантики. На матеріалі творів Вільяма Сідні Портера (О.Генрі) продемонстровано будову та мовну експлікацію лінгвістичного фрейма «Christmas» та виділено його стрижневий елемент. Намічено перспективи дослідження фреймової структури соціально-культурного феномену «свято» в англomовному художньому дискурсі.

Ключові слова: лінгвістичний фрейм, динамічний фрейм, статичний фрейм, сцена, текст.

© Розумна І.В., 2013